

Норман Джессе

ОНА СЛОВНО КУПАЛАСЬ В ФОНТАНЕ ТРЕВИ

Большой театр. — 2001 — нояб. (№7) — 221

Фото Евгения Бурмистрова

Финальная картина фестиваля Владимира Спивакова оказалась, пожалуй, самой эффектной: чернокожая американская дива Джесси Норман поет своего бисового Рихарда Штрауса под солирующую скрипку хозяина. Спиваков совершил почти невозможное. Он добился приезда самой дорогой, капризной и упоительной американской суперзвезды — во что не верилось еще за несколько недель до начала фестиваля. Он, наконец, заставил московскую публику смириться с тем, что классическая музыка — совсем не дешевое удовольствие. И он окончательно похоронил советский миф об искусстве, которое якобы принадлежит народу.

Цены на билеты, в которых беззастенчиво фигурировали четырехзначные цифры, означали, что Спиваков ориентируется не на народ и не на традиционную филармоническую публику — та была вытеснена в лучшем случае на галерку, — а на так называемый средний класс. Нельзя сказать, чтобы эксперимент шел как по маслу. Билеты как пончики не расхватывали. Но даже несмотря на большое количество бесплатных приглашенных, с помощью

которых затыкались дыры в дорогом партнере, приходится согласиться с тем, что опыт скорее удался.

Последствия возможны самые разные: поползут цены на другие концерты, легче будет приглашать дорогих гастролеров, публика станет наивней, ей проще будет под маркой эксклюзива подsunуть товар не самого высшего сорта. Собственно, именно так и произошло с Норман. Что и говорить, американка была хороша. Даже если в ее верхних нотах или интонировании и можно было заметить какую-то странность, то, казалось, эти несовершенства красят ее soprano еще больше, придают ее царственной самоуверенности дополнительное обаяние. Беда была в другом — в аккомпанементе Российского национального оркестра, за пультом которого стоял Спиваков. С одной стороны, хорошо, что Норман решила показать свой самый хитовый репертуар — а за хиты она держит ни больше, ни меньше сочинения Малера (пять песен на слова Рюккерта) и Вагнера ("Смерть Изольды"). С другой стороны, эти композиторы и так-то не просты для дирижера, а в сочетании с фирменным,

почти свингующим нормановским прочтением — тем более. Норман божественно млеет и тает, кайфует от собственного пиано, растягивает ноты и купается в звуках, как героиня "Сладкой жизни" в фонтане Треви. А Спиваков ее — лови. Имея соответствующий опыт и понимание стиля, можно было бы и вместе покупаться. Когда надо — поддерживать длинную ноту певицы невесть откуда расцветшим оркестровым аккордом. Когда надо — не торопить ее, наполнить музыку воздухом и благоуханием. Но у Спивакова, более привычного к ритмичному инструментальному репертуару, совсем другое ощущение музыкального времени — его он идеально продемонстрировал в двух симфониях, прославивших выступление певицы: Сороковой Моцарта и Пятой Шуберта. Воздуха ему требуется в несколько раз меньше, чем Норман, а скорости хочется гораздо больше. И в компании с суперзвездой только и остается, что осторожно красться по ее пятам, предвкушая эффектную финальную картинку.

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

А1

11.01.
(14.7.)